



ДАЛЕКОЕ

Деревенская усадьба, начало марта, первыя недѣли Великаго поста.

Дни темные, однообразные.

Но они точно долгій, спокойный канунъ праздника.

Я живу затворникомъ, за работой съ утра до вечера.

Но я работаю легко, споро, съ той рѣдкой острой душевнаго зрѣнія, которая даетъ такое непередаваемое счастье.

— «Се тебѣ, душе моя, вѣрнѣе Владыка талантъ: со страхомъ прѣими даръ».

Нынче я опять не замѣтилъ, какъ прошелъ мой день.

Но вотъ бьетъ шесть, темнѣетъ, синѣетъ за окнами.

Усталый, умиротворенный, я кладу перо, мысленно благодаря Бога за силы, за трудъ, одѣваюсь и выхожу на крыльцо.

Сумерки, тишина, сладкій мартовскій воздухъ...

Я иду по деревнѣ, додумываю свои думы, укрѣпляя свои тайные вымыслы, но все вижу, все замѣчаю и чувствую — всему теперь открыто мое сердце, мои глаза, мои уши.

Ахъ, да, канунъ, канунъ.

Даже въ зимней угрюмости этихъ сумерекъ уже есть весна — въ ихъ чуть зримой синевѣ.

Зыбки сѣрые снѣга полей за деревней, избы въ деревнѣ чернѣютъ смутно, нигдѣ ни одного огня.

Темно и въ усадьбѣ, на которую гляжу я, возвращаясь съ деревни.

За усадьбой облаками темнѣетъ подъ хмурымъ небомъ садъ.

Но и въ этомъ весна — въ томъ, что такъ поздно не зажигаютъ на деревнѣ огней и что садъ похожъ на тучу, что такъ хмуры и небо и его вершины.

На выгонѣ — церковь, тамъ нынче служба.

Я подхожу и различаю у церковныхъ воротъ парныя сани, крытыя старымъ ковромъ, помѣщичьи.

Тутъ же, у коновязи, — мужицкія лошади, мелкія, лохматая, за зиму обросшія густою шерстью, въ дровняхъ.

На снѣгу возлѣ нихъ — клоки сѣна, перебитаго съ конскимъ навозомъ, и все это пахнетъ свѣжо, сыро, тоже по весеннему.

Полевымъ, нелюдимымъ гуломъ гудятъ голые тополи, возвышающіеся надъ церковной оградой.

На глазахъ, съ каждой минутой темнѣетъ, — лица проходящихъ въ церковь уже плохо видны, — къ ночи поднимается легкая затьма, и въ гудящихъ метлахъ тополей есть что-то строгое, жуткое.

За воротами, въ затишьи, воздухъ мягче, но порой церковный дворъ сѣрѣетъ отъ поземки, ограда дымится, и по моему лицу пробѣгаетъ холодная, снѣжная пыль.

Когда на высокомъ каменномъ крыльцѣ церкви отворяются двери, видна за черными сѣнями ея внутренность въ золотыхъ и красныхъ точкахъ огней, съ блестящимъ иконостасомъ — и кажется торжественной.

Поднявшись на крыльцо, слышу тотъ сложный и холодный, особый запахъ, что бываетъ только на папертяхъ русскихъ церквей, ранней русской весной.

Дальше — стеклянныя двери, густое и пахучее церковное тепло, темная стѣна народа и яркій свѣтъ за нею.

Тамъ, въ этомъ яркомъ свѣтѣ, у большого свѣчника, на которомъ пылаетъ цѣлый золотой костеръ, стоитъ барышня, та, чьи сани я видѣлъ за воротами.

Она блѣдна, свѣжа и такъ чиста, какъ бываютъ только говѣющія дѣвушки, едва вышедшія изъ отроческаго возраста.

Ея сѣро-голубое платье, подъ которымъ сквозить корсетъ, сжавшій тонкую талию, приняло отъ блеска свѣчей зеленоватый, лунный тонъ.

На спинѣ лежитъ черная, чуть душистая коса. Въ рукахъ — копеечная свѣчка, трогательно озаряющая снизу нѣжный овалъ лица и густыя рѣсницы, поднятыя на образа иконостаса...

Отъ какихъ грѣховъ очищается она постомъ, стояніями, своей блѣдностью, своей трепетной свѣчкой?

Что за чувства у меня къ ней?

Дочь она мнѣ? Невѣста?

Въ темнотѣ возвращаюсь домой и провожу вечеръ за книгой, въ мѣрѣ несуществующемъ, но столь нераздѣльномъ со всѣмъ, чѣмъ втайнѣ живетъ моя душа.

Засыпаю съ мыслью о радостяхъ завтрашняго дня — о радостяхъ своихъ вымысловъ.

Ей, Господи, не даждь ми духа праздности, унынія.

Больше мнѣ ничего не надо. Все есть у меня, все въ мѣрѣ — мое, во мнѣ.

Ив. Бунинъ.

Песикъ - Черный Носикъ

Въ имѣніи «Загорье», Успенковскаго уѣзда, Новгородской губерніи, жила знакомая мнѣ помѣщичья семья Трусовыхъ — славная, безтолковая, дружная, простосердечная — предестная русская дворянская семья. Всею жизнью ей можно очертить въ двухъ-трехъ словахъ: уютный старый домъ, постоянно гости, множество шумной и поголовно влюбленной молодежи на канікулѣхъ.

Домашнія наливки и солонья, запущенное хозяйство, трижды запыленная земля, фантастическіе вечерніе планы: «а вдругъ у насъ откроется закладка каменнаго моста?», или — «говорятъ, что черезъ насъ скоро пройдетъ желѣзная дорога, вотъ тогда-то мы поправимся...».

Какъ и полагается, въ усадьбѣ жила пропасть всякихъ животныхъ — нужныхъ и ненужныхъ — не считая домашняго скота и птицы, т. е. цѣль довольно споспыхъ гончихъ, панинъ сеттеръ, нѣсколько дворнягъ безъ должности, и древній, полустѣпной, полупараличанный, оглохшій, но все-же зрительно-злой Барбосъ на цѣпи; кошки кухонныя и, съ ленточками на шеѣ, домашніе кролики; годовалый скандалистъ медвѣжонокъ; ежикъ; морская свинья; свирѣпый и вошпый хорекъ въ клеткѣ; сероки и скворцы — будто-бы говорящія; ручныя бѣлки; журавль; бѣлая мышь; одураченный ручной, комматный баловитный поросенокъ; одураченный козликъ; мастеръ бодать прохожихъ подъ колѣнами... и многое другое.

Настоящей же повелительницей этого животного царства, повелительницей мудрой, властной и кропотливой, была младшая дочь Рая, тогда дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Всѣхъ слонихъ, дурачихъ и четвероногихъ подданныхъ она знала по именамъ, происхожденіямъ и характерамъ, и тѣмъ оны, (кроме хорька), радостно оживались и стремительно прибѣгали на ея зовъ.

Любовь къ животнымъ была въ ней не петербургской чертой, а истиннымъ, подрытымъ Божьимъ даромъ, при помощи котораго она дѣлала чудеса.

Такъ, на примѣру, воспитывалась у нея въ комнатѣ молодая шестилѣтняя девочка, которую звали Песикъ.

Она появилась въ усадьбѣ поздней зимою. Очень скоро она подружилась съ Раяй, какъ собаченка; охотно, по вечерамъ, дремала у нея на голубыхъ, а ночью спала у нея въ ногахъ. Такъ прошелъ почти годъ. Къ будущаго года Песикъ на лицѣ изъ цвѣта кофе съ молокомъ стала ярко красной и блестяла отъ хорошаго питанія и ухода.

Но въ серединѣ ноября, какіе-то таинственныя, далекаго полета разбудили въ звѣрѣ вольные инстинкты и однажды утромъ лица убѣжала.

Слѣды ея вѣли по бороздѣ, черезъ прѣслу и дальше черезъ снѣжное поле къ лѣсу, находившемуся въ верстѣ отъ усадьбы. Рая никому не позволила преслѣдовать бѣглянку, но сама вышла въ поле, остановилась шагахъ въ ста отъ околицы и начала звонко кричать тѣмъ же голосомъ, какимъ и всегда она звала своихъ птицъ:

«Лисичка, лиса, лиса! Лисичка, лиса!»

Черезъ часъ лиса показалась изъ лѣса. Она сначала робко, потомъ отважнѣе приближалась къ Раяй, ярко красная на бѣломъ снѣгу, подавляла вплотную и даже взяла въ руки кусокъ вареной говядины. Но лиса, думая себя не удалась — прынула, выгнула пушистымъ хвостомъ и деловито такъ бѣстро, какъ умѣетъ только лиса.

Она пришла и на другой день на Раяинъ зовъ, но больше уже не являлась. Далеко бѣжала, но оставила за собой вѣдо дикой лисеной жизни и прелесть свободной любви. А, можетъ быть, по зарыли соплеменники за чуждой охотой, не утраченную любознательность?

Я не знаю, не слышалъ и не вѣрю, чтобы кому-нибудь другому удался такой опытъ съ годовалой лисеною, какъ Раяй. Можетъ быть, какъ-то простое общіе, заграничные животныя были довольныями къ ней и добровольно покорялись. Самая злая собака и самая строптивая лошадь успокаивались въ ея присутствіи. Охотно подчинялись ей и люди. Въ ней чувствовалось то дивное, что присуще алхиміи: правдивость, чистота, святость и интуитивная возмочь, дивно утраченныя людямъ.